RESEARCH FOCUS
xalqaro ilmiy jurnali
hamkorligida

DOI
10.66073/ReFocus-Conf/0910070

QR-kod maqolaning DOI sahifasini ochadi

SAHIFALAR
373–380

TIL
Rus

IQTIBOS UCHUN
Ахмедшина Фания Авзаловна. Циркуляция гендерных социальных норм в Узбекистане в эпоху генеративного искусственного интеллекта: историко-концептуальная модель // «O‘zbekiston olima ayollarining mamlakat taraqqiyotiga qo‘shayotgan hissasi» mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari (Nukus, 2026-yil 9–10-oktyabr). – Nukus, 2026. – B. 373–380. – DOI: https://doi.org/10.66073/ReFocus-Conf/0910070

ЦИРКУЛЯЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В УЗБЕКИСТАНЕ В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИСТОРИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Ахмедшина Фания Авзаловна
доктор исторических наук, профессор
Жиззахский государственный педагогический университет
E-mail: axmedshina_f@jspi.uz

Аннотация: В статье предложена историко-концептуальная модель циркуляции гендерных социальных норм в Узбекистане в условиях цифровой трансформации и распространения генеративного искусственного интеллекта. Модель объединяет исторический, институциональный, индивидуальный и цифровой компоненты, при этом цифровая среда рассматривается как сквозной механизм медиации, взаимодействующий с ранее сложившимися формами социальной регуляции. Результатом завершённого историко-концептуального исследования является разработка и обоснование модели циркуляции гендерных социальных норм, позволяющей объяснить возможность формирования гибридных нормативных конфигураций, в которых традиционные, институциональные и цифровые механизмы циркуляции норм сосуществуют и взаимно изменяются. Генеративный искусственный интеллект рассматривается как новый алгоритмический посредник, а «цифровая махалля» — как проверяемая гипотеза о возможном воспроизводстве локального социального контроля в цифровой среде.

Ключевые слова: гендерная социализация, генеративный искусственный интеллект, циркуляция социальных норм, нормативная гибридизация, «цифровая махалля», Узбекистан.

Введение (обзор литературы)

История общественного развития представляет собой не только последовательность политических, экономических и культурных преобразований, но и процесс формирования, передачи и изменения социальных норм. С изменением коммуникационных технологий и социальных институтов трансформировались механизмы, посредством которых общество производило, передавало, интерпретировало и воспроизводило нормативные представления. Поэтому историю социализации можно рассматривать как историю изменяющихся механизмов циркуляции социальных норм.

При этом новые коммуникационные формы не обязательно вытесняют ранее существовавшие. Устная традиция, письменная культура, массовое образование, средства массовой информации и цифровые платформы включаются в уже сложившиеся социальные структуры, изменяя скорость, масштаб и условия циркуляции норм. В эпоху генеративного искусственного интеллекта этот процесс

приобретает новое измерение, поскольку цифровые системы не только распространяют существующий контент, но и способны создавать новые нормативно значимые интерпретации.

Особенно это проявляется в сфере гендерной социализации. Гендерные нормы относятся к устойчивым элементам общественной организации, однако их содержание и способы передачи меняются вместе с социальной и коммуникационной средой. Социальное конструирование реальности предполагает формирование нормативных ролей во взаимодействии личности с социальными институтами [2]. Для анализа современного этапа важен и цифровой контекст Узбекистана: исследование ПРООН выявляет сохраняющиеся гендерные различия в цифровых навыках и доступе к цифровой среде [16]. Параллельно развиваются исследования гендерной стереотипизации генеративного искусственного интеллекта и её возможных социальных эффектов [1, 12]. Однако эти направления пока редко объединяются в единой исторической логике, позволяющей проследить взаимодействие прежних и новых механизмов циркуляции гендерных норм.

Узбекистан представляет особый интерес для такого анализа. В XX в. здесь взаимодействовали государственно формируемые и локальные гендерные нормы [8]. В постсоветский период одновременно действовали государственные, семейные, локальные, религиозные и медийные институты, а значение гендерно маркированных практик изменялось в зависимости от исторического и социального контекста [13]. Следовательно, современную цифровую среду нельзя рассматривать как полную замену прежних механизмов социализации. Она накладывается на исторически сложившиеся формы социальной регуляции и может изменять способы их распространения, интерпретации и публичной видимости.

Для анализа этого процесса необходимо разграничить близкие, но не тождественные понятия. В статье социальная норма понимается как социально разделяемое ожидание относительно должного или допустимого поведения, поддерживаемое одобрением, неодобрением либо иной социальной реакцией. Стереотип относится прежде всего к сфере представлений, норма — к сфере ожидаемого поведения, санкция — к механизму поддержания нормы [3]. Такое различение принципиально для анализа цифровой среды: стереотипный ответ генеративной модели сам по себе ещё не означает существования социальной нормы и не доказывает её принятия пользователем.

Понятие «циркуляция» используется в статье для обозначения не просто передачи нормы от одного носителя к другому, а её движения между различными социальными уровнями с повторной интерпретацией, изменением, переутверждением или оспариванием. В отличие от однонаправленной передачи, распространения, социализации или воспроизводства, циркуляция позволяет анализировать одновременно движение нормы и изменение её содержания в различных контекстах. Такой подход соотносится с принципом отслеживания движения и трансформации объектов между контекстами, характерным для History of Knowledge, но в настоящей статье адаптируется к исследованию социальных норм [14].

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

Именно здесь возникает основная проблема исследования. Цифровую трансформацию можно рассматривать как появление нового механизма социализации, однако такой подход недостаточно учитывает историческую преемственность и продолжающееся действие семьи, махалли, школы, религиозных и государственных институтов. Поэтому необходима модель, способная объяснить не замену одних механизмов другими, а их одновременное действие, взаимодействие и возможную трансформацию в цифровой среде.

Цель исследования — разработать и обосновать историко-концептуальную модель циркуляции гендерных социальных норм в Узбекистане в условиях цифровой трансформации и распространения генеративного искусственного интеллекта.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

разграничить исторические конфигурации циркуляции гендерных норм и современные механизмы цифровой медиации; построить четырёхкомпонентную модель циркуляции норм и определить предварительные индикаторы её проверки; уточнить понятие нормативной гибридизации и определить место генеративного искусственного интеллекта в предлагаемой модели; сформулировать гипотезу «цифровой махалли» и определить возможности её эмпирической проверки.

Материалы и методы

Исследование имеет концептуально-теоретический характер и опирается на принципы историзма и системности. Собственные эмпирические данные не собирались; статистические и аналитические материалы используются как вторичные данные для контекстуализации узбекистанского кейса и постановки проверяемых гипотез.

Использованы сравнительно-исторический метод, историческая реконструкция, анализ научной литературы и вторичных данных, а также концептуальное моделирование. Источниковую базу составили научные публикации, отчёт DataReportal «Digital 2026: Uzbekistan», материалы Всемирного банка, ПРООН и ЮНЕСКО. При интерпретации цифровых данных учитывалось, что рекламный охват не равен числу активных пользователей, а характеристики модельных ответов не доказывают изменения социальных норм. Предлагаемые модель и гипотезы имеют концептуальный характер и требуют самостоятельной эмпирической проверки.

Результаты

Завершённым результатом исследования является разработанная и исторически обоснованная четырёхкомпонентная модель циркуляции гендерных социальных норм в Узбекистане. Её научный результат состоит не в установлении эмпирического воздействия генеративного искусственного интеллекта на гендерные нормы, а в теоретическом объяснении взаимодействия исторических, институциональных, индивидуальных и

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

цифровых механизмов и в формулировании проверяемых предположений для последующего эмпирического исследования.

1. Исторические конфигурации и современные формы цифровой медиации

Историческое сопоставление показывает изменение прежде всего способов циркуляции гендерных норм — их носителей, каналов, скорости, легитимации и санкций. Выделяются три основные конфигурации.

Традиционно-локальная конфигурация опиралась на семью, родственные связи, общину, религиозные и обычные практики; нормы передавались через повседневное взаимодействие и межпоколенческое обучение. В узбекском контексте важную роль играла махалля. Советская государственно-мобилизационная конфигурация опиралась на школу, печать, радио, кино, телевидение, трудовую и образовательную политику. Кампания худжум с 1927 г. стремилась переопределить публичные гендерные нормы, но не сводилась к одномоментной замене локальных практик государственными [8].

Постсоветская конфигурация сочетает действие государства, семьи, махалли, религиозных и медийных институтов и не сводится ни к простой «ретрадиционализации», ни к линейному продолжению советского курса. Махалля могла выступать пространством взаимодействия локальных связей и государственных механизмов регулирования [18]. Исследование Самарканда показывает также изменение значения хиджаба: в 1990-е гг. он мог восприниматься как возвращение к досоветским традициям, а позднее — связываться с современными формами религиозной идентичности [13].

Историческая логика поэтому строится не как последовательная смена стадий, а как наложение исторических слоёв. Семья, махалля, школа, государственные и религиозные институты продолжают участвовать в циркуляции норм, а цифровые платформы и генеративный искусственный интеллект добавляют новые каналы, аудитории и механизмы отбора видимости [4].

2. Четырёхкомпонентная модель циркуляции

Модель включает исторический, институциональный, индивидуальный и цифровой компоненты; первые три характеризуют содержание и социальную организацию циркуляции, тогда как цифровой имеет сквозной медиирующий характер.

Исторический компонент охватывает культурный репертуар представлений о мужском и женском, включая пословицы, нормативные образы, исторические сюжеты и интерпретации прошлого. Институциональный компонент охватывает семью, махаллю, школу, религиозные и государственные структуры, через которые ожидания легитимируются и передаются [2]. Индивидуальный компонент связан с интерпретацией норм человеком, который может принимать, изменять, переосмысливать или отвергать их. Цифровой компонент изменяет видимость, доступность, скорость циркуляции и состав аудитории нормативно значимого

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

контента; внутри него различаются сетевой и алгоритмически опосредованный механизмы.

Модель не предполагает линейной последовательности. Исторический репертуар актуализируется институтами, люди интерпретируют нормативные ожидания, а цифровая среда изменяет видимость и аудиторию действий и высказываний. Теоретической переменной выступает степень совместимости нормативных ожиданий: их согласованность может поддерживать воспроизводство нормы, частичное совпадение — приводить к смешению требований, а устойчивое расхождение — к её реконфигурации. Это основание для последующей эмпирической операционализации, а не готовый индекс.

3. Нормативная гибридизация как рабочее аналитическое понятие

«Нормативная гибридизация» — авторское рабочее понятие, обозначающее ситуацию, в которой несколько значимых нормативных требований взаимодействуют, адаптируются или конкурируют, формируя смешанный порядок ожиданий и санкций. Понятие связано с культурной гибридностью [9], но сосредоточено не на смешении культурных форм, а на требованиях к поведению и социальных реакциях, поддерживающих их.

Для Узбекистана предпосылки такого взаимодействия прослеживаются уже в советский период [8]. В цифровой среде это взаимодействие может приобретать новые формы, поскольку цифровые платформы включаются в уже существующие социальные структуры и нормативные отношения.

4. Генеративный искусственный интеллект как алгоритмический посредник

Рекомендательные системы отбирают и ранжируют существующий контент, тогда как генеративные модели создают новый текстовый или визуальный контент. Поэтому генеративный искусственный интеллект рассматривается отдельно как механизм производства нормативно значимого контента.

Необходимо различать три уровня: характеристики модельного контента, его интерпретацию пользователем и возможное изменение установок и норм. Исследования фиксируют гендерные стереотипные паттерны в визуальных и языковых системах [1, 7, 12], но не доказывают переход от модельного смещения к изменению поведения пользователей.

Для Узбекистана важна языковая переменная: узбекский относится к относительно малоресурсным языкам, а разработка специализированных языковых моделей для него является сравнительно новым направлением [10]. Исследования показывают, что гендерное смещение одной модели может различаться в зависимости от языка запроса [1], а машинный перевод способен воспроизводить гендерную стереотипизацию [6]. Поэтому язык взаимодействия предлагается проверять как переменную цифровой циркуляции. Генеративный искусственный интеллект потенциально меняет масштаб, скорость, доступность и персонализацию нормативно значимого контента, однако сила его влияния на нормы в Узбекистане в настоящем исследовании не измеряется.

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

Цифровой контекст Республики Узбекистан

В октябре 2025 г. интернетом пользовались 33,1 млн человек, или 89,0% населения; число пользовательских идентичностей в социальных сетях достигло 14,1 млн и за год выросло на 41,7% [5]. При доле женщин в населении 49,5% они составляли 33,2% пользовательских идентичностей в социальных сетях, 32,5% взрослой рекламной аудитории Instagram и 38,4% TikTok [5]. Эти показатели характеризуют цифровую среду, но не число уникальных активных пользователей и не позволяют установить причинный механизм.

Оценка ПРООН 2022 г. показала, что 83% женщин ежедневно пользовались интернетом, а их цифровые навыки в среднем отставали от мужских почти на 24%; выявлены также различия между городскими и удалёнными территориями [16]. Поэтому показатели доступа, цифровых навыков и публичного присутствия не являются взаимозаменяемыми.

Реферальный трафик ИИ-сервисов не используется как показатель распространённости генеративного искусственного интеллекта, поскольку он не показывает число пользователей, частоту, язык или характер запросов. Для проверки его роли необходимы самостоятельные данные и стандартизированные аудиты. Таким образом, цифровой контекст рассматривается здесь как среда, расширяющая возможности распространения и переинтерпретации исторических и институциональных норм.

Гипотеза «цифровой махалли»

«Цифровая махалля» — рабочее название проверяемой гипотезы, согласно которой при высокой значимости локальных связей цифровая самопрезентация может оцениваться родственниками, соседями и другими значимыми людьми. Если ожидаемая реакция этой аудитории влияет на публикацию, сокрытие или редактирование контента, цифровая самопрезентация может становиться формой саморегуляции.

Гипотеза связана со «схлопыванием контекстов», когда одно сообщение оказывается адресовано разным аудиториям и пользователь управляет границами его видимости [11]. Категория «уят» рассматривается как форма морального регулирования в Центральной Азии [15]. Эти материалы используются только как основания для постановки механизма и не характеризуют Узбекистан напрямую. Материал ПРООН о реакции на публикацию видео школьного выпускного вальса в Ферганской области также служит единичной иллюстрацией связи цифровой видимости и локальной репутации [17].

Проверка гипотезы предполагает изучение санкционирующих реакций на гендерно маркированный контент, стратегий цифровой видимости и связи между локальными социальными связями, ожидаемыми санкциями и самопрезентацией. При этом необходимо учитывать альтернативные объяснения — приватность, профессиональные ограничения, настройки платформ, возраст и цифровые навыки. Поэтому «цифровая махалля» остаётся фальсифицируемой гипотезой, а не установленным свойством узбекской цифровой среды.

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

Ограничения исследования

Модель имеет концептуальный статус и не устанавливает причинно-следственных связей между цифровой средой и гендерными установками. Периодизация и предложенные механизмы имеют аналитический характер. Данные DataReportal характеризуют цифровую среду и рекламные аудитории, а материалы Казахстана используются только для постановки возможных механизмов. Нормативная гибридизация, языковая зависимость и «цифровая махалля» остаются проверяемыми аналитическими предположениями.

Выводы и рекомендации

Историческая динамика циркуляции гендерных норм в Узбекистане не сводится к линейной смене нормативных режимов: исторически сложившиеся конфигурации продолжают действовать одновременно с сетевыми и алгоритмически опосредованными механизмами. Предложенная модель соединяет исторический репертуар, институциональную регуляцию, индивидуальную интерпретацию и цифровую медиацию.

Основным результатом исследования является разработанная и обоснованная историко-концептуальная модель циркуляции гендерных норм; в её рамках генеративный искусственный интеллект рассматривается как алгоритмический посредник, а не самостоятельный агент социализации. Имеющиеся исследования прежде всего характеризуют модельный контент; его влияние на пользователей и социальные нормы в Узбекистане требует отдельной эмпирической проверки. «Нормативная гибридизация» и «цифровая махалля» имеют статус рабочих, фальсифицируемых понятий и гипотез.

С практической точки зрения модель предполагает необходимость учитывать при анализе и проектировании цифровой образовательной и информационной среды одновременно исторически сложившиеся нормы, институциональные механизмы их регулирования, индивидуальную интерпретацию и алгоритмическую медиацию. Дальнейшая проверка модели требует эмпирического изучения языковой вариативности, цифровой самопрезентации и реакций локальных аудиторий на гендерно маркированный контент. В целом модель позволяет соединить историческое изучение гендерных норм с анализом современной цифровой медиации, не подменяя концептуальные предположения эмпирически установленными причинными эффектами.

Список литературы

1. Arora S., Srivastava A. A cross-lingual syntactic investigation of gender bias and stereotyping in GPT-4o: English vs Hindi // AI and Ethics. — 2025. — Vol. 5, No. 3. — P. 2497–2514. — DOI: 10.1007/s43681-024-00565-9.

2. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. — New York: Doubleday, 1966.

3. Bicchieri C. The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

DOI 10.66073/ReFocus-Conf/0910070

4. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. — Cambridge: Polity Press, 2017.

5. DataReportal. Digital 2026: Uzbekistan. — 2025. — Данные на октябрь 2025 г.

6. Ghosh S., Caliskan A. ChatGPT perpetuates gender bias in machine translation and ignores non-gendered pronouns: Findings across Bengali and five other low-resource languages // Proceedings of the 2023 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. — New York: ACM, 2023. — P. 901–912. — DOI: 10.1145/3600211.3604672.

7. Guilbeault D., Delecourt S., Hull T., Desikan B. S., Chu M., Nadler E. Online images amplify gender bias // Nature. — 2024. — Vol. 626. — P. 1049–1055. — DOI: 10.1038/s41586-024-07068-x.

8. Kamp M. The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. — Seattle: University of Washington Press, 2006.

9. Kraidy M. M. Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization. — Philadelphia: Temple University Press, 2005.

10. Kuriyozov E., Vilares D., Gómez-Rodríguez C. BERTbek: A pretrained language model for Uzbek // Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Special Interest Group on Under-resourced Languages @ LREC-COLING 2024. — Torino, 2024. — P. 33–44.

11. Li P., Cho H., Shen C., Kong H. From context adaptation to context restoration: Strategies, motivations, and decision rules of managing context collapse on WeChat // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2024. — Vol. 29, No. 1. — zmad043. — DOI: 10.1093/jcmc/zmad043.

12. Locke L. G., Hodgdon G. Gender bias in visual generative artificial intelligence systems and the socialization of AI // AI & Society. — 2025. — Vol. 40. — P. 2229–2236. — DOI: 10.1007/s00146-024-02129-1.

13. Malikov A., Djuraeva D. Women, Islam, and politics in Samarkand (1991–2021) // International Journal of Modern Anthropology. — 2021. — Vol. 2, No. 16. — P. 548–569. — DOI: 10.4314/ijma.v2i16.2.

14. Secord J. A. Knowledge in transit // Isis. — 2004. — Vol. 95, No. 4. — P. 654–672. — DOI: 10.1086/430657.

15. Thibault H., Caron J.-F. (Eds.). Uyat and the Culture of Shame in Central Asia. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. — DOI: 10.1007/978-981-19-4328-7.

16. United Nations Development Programme (UNDP). Gender Digital Divide Assessment: Uzbekistan. — Tashkent: UNDP Uzbekistan, 2023.

17. United Nations Development Programme (UNDP). Addressing Harmful Gender Stereotypes: Application of Behavioural Insights. — Tashkent: UNDP Uzbekistan, 2024.

18. Urinboyev R., Eraliev S. Informal civil society initiatives in non-Western societies: Mahallas in Uzbekistan // Central Asian Survey. — 2022. — Vol. 41, No. 3. — P. 477–497. — DOI: 10.1080/02634937.2022.2058915.